

Городская усадьба Пьера Лоти в Рошфоре: экзотизм в литературе и повседневности³¹

Pierre Loti's Urban Estate in Rochefort: Exoticism in Literature and Everyday Life

ЕКАТЕРИНА Е. ДМИТРИЕВА, *A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences*

katiadmitrieva@mail.ru

Received: August 22, 2022.

Accepted: October 21, 2023.

DOI: <https://doi.org/10.30827/meslav.22.26011>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории городской усадьбы Пьера Лоти в Рошфоре, – писателя, чье имя неразрывно связано с историей экзотизма во французской литературе. Ее создание есть пример слияния воедино замысла архитектурного и литературного, подобно Стробиерри Хилл Горация Уолпола, Эбботсфорда Вальтера Скотта и «Замка Монте-Кристо» Александра Дюма. В отличие от данных авторов, для Лоти усадьба стала сублимацией того, что ему не удалось, как ему самому казалось, выразить в творчестве. Экзотическое убранство виллы способствовало страсти Лоти к жизнетворчеству, превращению собственной жизни в театральные подмосты. Но и страх смерти, преследовавший Лоти уже с юности, писатель пытался преодолеть, параллельно со словом, – декором, внутренним убранством своей виллы, позволявшим ему сопрягать времена. В статье подробно описывается одно из празднеств, устроенных Лоти в собственном доме, – Ужин Людовика XI, во время которого все приглашенные были одеты в костюмы эпохи и говорили на старофранцузском языке. Эксперимент Лоти можно сравнить с праздниками, которые потомки маркиза де Сада устраивали на своей средиземноморской вилле Иер. В определенном смысле, предвещали они и эстетическую практику сюрреалистов и то, что позже получило название *events*. Растворив свою жизнь в зеркальном отражении многочисленных экзотических романов, в свое истинное *произведение* Лоти превратил виллу, сделав ее воплощением собственной мифологии, в которой экзотика дальних стран превратилась в экзотику дальних веков.

Ключевые слова: Пьер Лоти, экзотизм, городская усадьба, ужин Людовика XI.

ABSTRACT

This article deals with the history of the urban estate of Pierre Loti in Rochefort, a writer whose name is inseparably linked to the history of exoticism in French literature. Its creation is an example of the fusion of architectural and literary intentions, like Horace Walpole's Strawberry Hill, Walter Scott's Abbotsford and Alexandre Dumas' Le Château de Monte-Cristo. Unlike these authors, for Loti, the estate was a sublimation of what he felt he was unable to express in his work. The exotic decoration of the villa contributed to Loti's passion for life-making, turning his own life into a theatrical scaffolding. But also the fear of death, which had haunted Loti since his youth, the writer tried to overcome with the decoration of his villa, which allowed him to juxtapose the times. The article describes in detail one of the festivities Loti hosted in his own home, the Louis XI Dinner during which all the guests were dressed in costumes of the era and spoke Old French. Loti's experiment can be compared to the parties that the descendants of the Marquis de Sade arranged at their Mediterranean villa. In a certain sense, they foreshadowed the aesthetic practice of the Surrealists and what later became known as *events*. Having dissolved his life in the mirror image of numerous exotic novels, Loti turned the villa into his true *work*, making it the embodiment of his own mythology, in which the exoticism of distant countries turned into the exoticism of distant centuries.

Keywords: Pierre Loti, exoticism, urban estate, the Louis XI Dinner.

Среди историй слияния воедино замысла архитектурного и литературного, когда

³¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

усадьба (вариант – вилла, замок) становятся для писателя неким итогом, сублимацией того, что ему удалось (вариант: не удалось) выразить в творчестве³², городская вилла Пьера Лоти занимает особое место. Здесь многое соединилось воедино: страсть к экзотизму, определившая жизненный путь Лоти и ставшая основной темой его многочисленных романов и новелл, сопряженная с не менее ярко выраженной страстью к житнетворчеству, превращению собственной жизни в театральные подмостки и потребности смены масок. Одновременно неудовлетворенность – кажущаяся странной, если учитывать творческую плодовитость писателя – собственным письмом и поиск ответа на вопрос «Как выразить ничто словом?», как это сформулировал в 1972 г. Ролан Барт (Barthes, 1972, с. 187), переиздав годом ранее роман Лоти «Азиядэ», в котором увидел проблематику, близкую его собственным раздумьям. Наконец, страх смерти, преследовавший Лоти уже с юности и который он пытался преодолеть, параллельно со словом (не случайно так внимателен был к творчеству Лоти Марсель Пруст), *декором* – внутренним убранством своей виллы, позволявшим ему сопрягать времена. «Нет ничего более важного, чем декор», – скажет он в романе-новелле «Призрак Востока» («Fantome d’Orient»), написанном в 1892 г. как продолжение «Азиядэ».

О Пьере Лоти, тогда еще современнике, в статье, предназначенном для Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, писала Зинаида Венгерова:

«Пьер Лоти (Pierre Loti) – псевдоним известного французского романиста Луи-Мари-Жюльена Вио (Viaud). Род. в 1850 г. в Рошфоре; рано поступил на морскую службу, сделал несколько кругосветных плаваний, жил подолгу в Японии. Начал литературную деятельность с обличительных статей (в “Фигаро”) о поведении французских войск в Тонкине, а потом перешел к чисто художественному творчеству. Основная нота всех его произведений – нервность извращенного и утомленного избытком культуры парижанина, который ищет освежения в жизни первобытных племен, но находит повсюду лишь пищу для своего скептицизма. В первой своей повести, “Aziyadé” (1879), Л. воспроизвел полусказочную жизнь далекого океанийского острова, где женщины живут только для любви, не знают ни труда, ни забот, но обладают чуткой, любящей и тоскующей душой. Следующие романы Л., также разыгрывающиеся в экзотических рамках и рисующие экзотические нравы: “Rarahu, idylle polynésienne» или “Mariage de Loti” (1880), “Le Roman d’un Spahi” (1881), “Fleurs d’ennui, Suleïma, Pasquala Ivnovitch” (1882), “Madame Chrysanthème” (1887), “Japoneries d’automne”, “Fantômes d’Orient” и др. Все они крайне субъективны по настроению, проникнуты скептицизмом Ренановского характера; автор искусно воссоздает чудный мир тропических стран со всей их особенной, опьяняющей атмосферой поэзии, красоты и спокойной, созерцательной жизни. Наряду с этими повестями, Л. написал несколько книг, в которых сказалась другая, не менее яркая сторона его таланта. Это – “Mon Frère Yves”, “Pêcheur d’Islande”, “Matelot”, где с большой теплотой и поэзией описывается жизнь рыбаков Бретани. Постоянная борьба с опасностями, с грозной стихией – и на этом фоне интимные сердечные драмы наивных, чистых детей природы: таково общее содержание бретонских повестей Л., в которых прекраснее всего картины океана. Основное стремление Л. – символизировать контрасты жизни и смерти, составляющие трагедию человеческого существования. Глубокие, но краткие драмы любви, начинающиеся с прибытием корабля и заканчивающиеся, когда срок стоянки его окончен, символизируют для Л. всю нашу жизнь. Чувство любви с первого момента оттенено мыслью о разлуке и проникнуто какой-то

³² К примерам такого рода относятся созданная Горацием (Хорасом) Уолполом усадьба Строберри Хилл, недовольство которой, согласно легенде, породило первый готический роман в английской литературе «Замок Отранто» (1764); шотландский Эбботсфорд Вальтера Скотта, ставший для знаменитого романиста своего рода компенсацией отсутствия родовых замков, которые он так любил описывать в своих романах; наконец «Замок Монте-Кристо» (1846), построенный Александром Дюма в предместье Парижа, на который писатель израсходовал практически все состояние, но так и не успел в нем пожить.

успокоенной, примиренной грусти. Избранный членом Французской академии, Л. произвел сенсацию своей вступительной речью, в которой слишком восхваляя самого себя, заявляя, что он никого из современных романистов не читал и не желает читать. Ответ Мезьера указал новому академику на бестактность его речи. Одно из последних сочинений Л., “Jérusalem” – описание его путешествия к святым местам. В настоящее время он издает полное собрание своих произведений. Многие соч. Л. переведены на русский язык» (Венгерова, 1896, сс. 19-20).

В краткой биографической заметке многое было схвачено точно: известность Лоти в России, поскольку большинство его произведений активно переводилось в период с 1883 по 1926 г. на русский язык (полную библиографию переводов Лоти на русский язык см.: Савелли, 1999, сс. 284-277); соединение в поэтической (художественной) продукции Лоти политики, социологии и, казалось бы, абсолютно тому противоречащего декадентского экзотизма. Его романы «Мой брат Ив», «Исландский рыбак», «Матрос», в которых автор позиционировал себя как друг бретонского моряка, критика приветствовала как повествующие о жизни простых людей. Особенно радужно они были восприняты русской критикой, которая увидела тогда в авторе – «не слишком французском и не слишком парижском» – близость русским народникам. Одновременно явление Лоти на литературном горизонте стало возможностью для ряда русских критиков высказать претензии, которые у них накопились к французской литературе, большой «крайним галицизмом или паризианизмом» (см.: Савелли, 1999, сс. 251-262).

При этом Венгерова почему-то умолчала о том, что шокировавшее многих современников избрание Лоти в члены Французской академии в 1891 г., когда ему исполнился 41 год (явление, почти небывалое в клане бессмертных), объяснялось не только «странной» инаугурационной речью, им произнесенной (Лоти открыто заявил, что он вряд ли в состоянии отличить одного бессмертного от другого – см. подробнее: Моисеева, Абидулин, 2016, сс. 63-70), но еще и тем, что предпочтен он был значительно более мощному и даже старшему по возрасту конкуренту, мэтру натурализма Эмилю Золя, также присутствовавшему в этот момент в зале.

Не было сказано Венгеровой (возможно, она этого и не знала) о происхождении псевдонима, который взял себе морской офицер Луи-Мари-Жюльен Вио: имя Лоти подсказала ему в 1872 г. королева Таити Помаре IV, выведенная им в качестве персонажа в романе «Свадьба Лоти, Рараху» («Le Mariage de Loti (Rarahu), 1882), и происходило оно от названия одного тропического цветка. Поначалу Вио называл этим именем своих персонажей – английского капитана, история любви которого к полинезийской княжне легла в основу рассказа «Рарао» (1883; см.: Лоти, 1993, сс. 143-286), а также заглавного персонажа упомянутого выше романа «Свадьба Лоти», сюжет которого лег впоследствии в основу знаменитой оперы Рейнальдо Ан «Остров мечты» («L'Île du rêve»), поставленной в 1898 г. в парижской Opéra-Comique.

Собственно именно с этого удвоения Лоти как автор становится антиподом самому себе: квази-реалистический бытописатель мало чем примечательной действительности обращается к жизни экзотических стран, повествуя о Таити, Турции, Японии и проч.³³ и

³³ Впрочем, политическая составляющая из его прозы никогда не исчезала окончательно. Так, в книге «Осенняя японская экзотика» («Japonerie d'automne», 1904-1905), предисловие к русскому переводу которого написал кн. Урусов, Лоти выступил как свидетель исчезновения традиционной Японии, историческим свидетельством которого стало также его описание бала в Эдо (Иедо), навеянное встречей с японской императрицей (см.: Лоти, 1888; Лоти, 1894). А в 1913, вернувшись из Константинополя, он еще выступит против распада оттоманской империи, которого так страстно желала политика западных держав (книга «Агонизиру-

входит во французскую литературу как виднейший представитель экзотизма, о природе которого критики не устали спорить. Тем более, что при всем экзотизме материала, ложившегося в основу его описаний, об исторической, политической и этнографической точности описываемой реальности Лоти мало заботился. Таким был его выше упомянутый роман «Азиядэ» (З. Венгерова называла его повестью), в основу которого легла действительно пережитая им, во время захода судна в Турцию в 1877 г., история любви в прекрасной одалиске «с зелеными глазами» по имени Хатиджи. Проблема однако заключалась в том, что и последующие его романы имели своим сюжетом историю кратковременной любви к представительницам той или иной экзотической страны, и конец этой любви был уже заранее предreshен, а роман превращался в некое импрессионистическое описание экзотики и эротики чужой страны, как это произошло в одном из самых известных романов Лоти «Госпожа хризантема» (в его названии японское имя Кикиу-сан переделано на французский манер – мадам Хризантема³⁴). Роман этот, заявленный как форма литературной безделки с несуществующей интригой³⁵, изысканно оформленный, что, по-видимому, должно было обеспечить «удовольствие от текста», эксцентрические высказывания и выходы самого Лоти, из него вычитываемые, также стали предметом обсуждения критиков (см., например, France, 1921, сс. 356-363)³⁶. Экзотизм, считали одни, становится для Лоти рецептом соблазна пресыщенного парижанина. Другие критики разоблачали очаровательную иностранку, соблазненную и брошенную alter ego автора (что, вообще говоря, было ходовой темой литературы того времени), и видели в ней всего лишь поддельный портрет той, кто была *истинным адресатом* и одновременно *действующим лицом* его сочинений, переодетым в невероятные одежды. «Для парижских дам, а не для дикарей предназначались романы Лоти, для тех самых парижских Гретхен, что обеспечили ему успех в салонах Парижа и выбор в Академию». Для герцогини Ришелье (будущей княгини Алисе де Монако, которой посвящен роман «Госпожа Хризантема»), для

ющая Турция» («La Turquie agonisante»). См. также: (Quella-Villéger, 1994).

³⁴ 9 июля 1885 г., по прибытии в Нагасаки, 35-летний Лоти женился по контракту сроком на один месяц на 18-летней японке Окане-Сан по прозвищу Кикиу-Сан, что в переводе означало Мадам Хризантема. 12 августа он покинул Нагасаки. Такого рода браки, на которые свое согласие давали родители девушек, регистрировались местной полицией, и действительно они, как правило, были только на время пребывания европейского мужчины в стране, позволяя впоследствии девушке уже «по-настоящему» выйти замуж за японца. Практика эта была распространена в Японии, являя собой незабываемый опыт для посетителей страны. Лоти в романе «Госпожа Хризантема» (как он это делал и в последующих) описал свою жену как объект преимущественно экзотический, «декоративную» «куклу с полки и ничего более». Впоследствии Феликс Регамэ попытался защитить героиню романа Лоти от автора, обнаружив дневник не понятой Лоти молодой японки, сочиненный, на самом деле, им самим (Regamey, 1894).

³⁵ То, что отсутствие интриги входило в замысел писателя, доказывают следующие строки романа: «Здесь я вынужден признать, что читателю моя история должна казаться невероятно затянутой... Раз уж нет интриги и трагических происшествий, мне бы хотелось, по крайней мере, суметь хоть отчасти выразить, как благоухают окружающие меня сады, как ласково греет солнце, как приятно тень этих красивых деревьев. Раз уж нет любви, – хоть как-то передать умиротворяющее спокойствие отдаленного предместья» (Лоти, 1901, сс. 4-5).

³⁶ В уже цитировавшейся выше статье Дани Савели высказывается предположение, что экзотизм Лоти вполне возможно оказал влияние на Андрея Белого: так, в восточном интерьере Аблеухова и в последовательном переодевании героини то в японскую куклу, то в мадам де Помпадур в романе «Петербург» угадывается след Лоти – французское видение проблемы Запада и Востока (см.: Белый, 1918, с. 166). О том, что одна из героинь романа «Петербург», теософ Анни Безант вызвала пристальный интерес Лоти (с ней он встречался в Мадрасе, о чем рассказал в книге «Индия без англичан, гл. 6; см. там же: Савелли, 1999, с. 263)..

мадам Ли Шильд, Карме Сильвы, Жюли Готье (дочери Т. Готье, автора пьесы «Дочка неба», написанной в 1903-1905 гг. в Стамбуле, в которой она изобразила Лоти), для дам из привилегированных слоев общества, кому он посвящал свои произведения, «Лоти удалось наиболее живо изобразить парижанку тогда, когда он перенес ее на край света и представил в виде японки» (Савелли, 1999, с. 263).

На самом деле, если и считать тему экзотизма как центральную и определяющую у Лоти, то нельзя не заметить, что экзотика его нередко окрашена в грустные, меланхолические и ностальгические тона: мечущегося по миру автора не покидают мысли о смерти (что в общем-то вполне вписывается в менталитет эпохи декадентства), но также... и это как раз неожиданно: мысли о доме.

Вот он описывает рейд своего корабля в Нагасаки: «...в нашу честь подняты флаги и устроен артиллерийский салют». И тут же оказывается, что вовсе не экзотическая страна есть предмет его внимания и волнения, а то, «как спокойно провел» он «14 июля прошлого года» «в тиши старенького отчего дома, заперевшись от непрошенных гостей, в то время как на улице ревели веселящаяся толпа»: «...до самого вечера я сидел под сенью жимолости и винограда на скамейке, где когда-то давно, летними днями моего детства, я устраивался со своими тетрадами, притворяясь, что делаю уроки. О! Чем только не была занята моя голова в те времена, когда я делал уроки, - путешествиями, дальними странами, тропическими лесами, угаданными во сне...» (Лоти, 1901, с. 24).

Детские мечты о путешествиях словно по принципу *mise en abyme* (зеркального удвоения) отражаются, когда путешествие уже стало явью, в воспоминаниях о тех самых мечтах, что были угаданы во сне в собственном доме. И в этой теме «дома» немалое место занимает тема заколдованного «замка». Известно, что в период между 1862 и 1864 г. часть каникул Лоти проводит у своего кузена, где попадает в хранящий следы неведомого прошлого замок Каstellно-Бретену (Castelnau-Bretenoux). Именно там в его голове созревает решение стать морским офицером, что причудливым образом связывает тему мореплавания с темой замка-усадьбы. Свои воспоминания об этом периоде он опишет в «Roman d'un enfant», «Prime jeunesse» и дневнике (Journal intime).

Чуть позже, все еще в юности, он поселяется на время у своей сестры Мари Бон в Приморской Шаранте (административном регионе Новой Аквитании). Совсем недалеко отсюда находится заброшенный замок Шато-де-ла-Рош-Курбон (château de la Roche-Courbon), построенный еще около 1475 г. Жаном де Латуром, ставший затем, в XVII в., усилиями маркиза Жана-Луи де Курбона элегантной резиденцией, а затем заброшенный как слишком дорогостоящий. Замок этот, окруженный лесом с древними пещерами, который Лоти открывает для себя во время одной из прогулок, и где ему самому впервые откроется таинство физической любви в объятиях молодой цыганки, он назовет своим «Замок спящей красавицы» («Le château de La Belle-au-bois-dormant»). Много лет спустя, в 1905 г., узнав, что старый хозяин замка, никогда в нем не живший, умер, а его наследники собираются замок продать на вырубку леса (ситуация, уж очень напоминающая сюжет известной чеховской пьесы), он напишет свою знаменитую статью для газеты «Фигаро» «Замок спящей красавицы» («Le château de La Belle-au-bois-dormant»), где, обращаясь к генеральному секретарю Академии художеств, призывает спасти поместье и окружающий его лес, с которым было связано столько его юношеских фантазмов³⁷.

³⁷ Призыв его будет услышан лишь в 1920 г., за три года до смерти Лоти: предприниматель из Рошфора

И все же главным *домом* и одновременно главным реализованным фантазмом его жизни становится дом его родителей в Рошфоре³⁸, построенный на рубеже XVII и XVIII вв., где 14 января 1850 г. он появился на свет. В 1871 г. он выкупает этот дом у своей матери, а в 1895 г. приобретает в свое владение еще и соседний смежный с ним дом и большую часть жизни (в периоды, не занятые путешествиями) посвятит преобразению старо-нового жилища в театральное пространство, ставшее местом проведения знаменитых праздников, на которые стекалось множество знаменитостей той эпохи (среди постоянных посетителей дома была и знаменитая Сара Бернар). Историки считают, что большую роль в обустройстве этого дома, как и в приглашении сюда аристократической и художественной элиты, сыграло стремление Лоти взять социальный реванш после того, как в 1866 г. против его отца было заведено дело о растрате значительной суммы денег.

Для нас же важнее и интереснее понять, каким образом страсть Лоти к *другому* (чужому) пространству, по-видимому, так до конца и не реализованная в его художественных текстах (во всяком случае, так считал он сам), смогла воплотиться в убранстве (декоре) дома, ставшего одной из самых своеобразных и престижных городских вилл не только Рошфора, но и Франции в целом.

Переоборудование дома, внешне ничем не отличавшегося от соседних буржуазных домов, началось с 1880 г., когда литературный успех принес Лоти определенную финансовую независимость. Работа над феерическим интерьером и декором, в которых отразились многообразные путешествия Лоти в страны ближнего и дальнего Востока и создателем (архитектором и художником) которого был он сам, велась таким образом на протяжении более двадцати лет.

Результатом этой работы стали разнообразные по своей стилистике и предназначению комнаты, каждая из которых отвечала определенному художественному замыслу создателя. *Красный* и *Голубой салоны* (*Salon rouge, Salon bleu*), расположенные на первом этаже – первые комнаты, открывавшиеся посетителю, – сохраняли еще старую семейную стилистику: в них остались картины и предметы, принадлежавшие когда-то семье Вьо. Лишь в 1896-1897 гг. Голубой салон превращается в комнату супруги Лоти Бланш и наполняется соответственно мебелью эпохи Людовика XVI.

Все другие комнаты дома подверглись гораздо более серьезной перделке. Кабинет брата Гюстава был преобразен в Океаническую комнату, самую первую из инсталляций Лоти. В нее была «инкрустирована» кабина с корабля «Flore», на котором Лоти плавал по Тихому океану в 1872 г.

Залы второго этажа демонстрировали калейдоскоп стилей и эпох. Здесь была *зала Ренессанса*, стены которой были украшены шпалерами и гобеленами, а огромный камин и хоры для музыкантов делали ее наиболее часто используемой для проведения праздников.

Бывшая мастерская сестры Лоти была переделана в *Готическую залу* с подлинными готическими окнами, которые когда-то украшали заброшенную часовню в Маренн. Именно в этой зале в 1888 г. состоялся знаменитый «ужин Людовика XI», во время которого все приглашенные были одеты в костюмы эпохи и говорили на старофранцузском языке. Примыкавшая к ренессансной зале *мечеть*, которая и по сей день почитается архитектурным шедевром Лоти, словно парящая над этой

Поль Шенеро (1869-1967) выкупит поместье, восстановит замок и парк, который ныне стал одной из главных туристических достопримечательностей области.

³⁸ Дом находился на улице Сен-Пьер, ныне носящей имя Пьера Лоти.

залой, была создана из материалов и наполнена предметами XVI в., доставленными по заказу Лоти из сирийской мечети, принадлежавшей династии Омейядов. При этом мраморный бассейн и мраморные пилястры мечети были выполнены местным художником – в соответствии с представлением Лоти о том, как должна выглядеть мечеть (этнографическая точность, как уже говорилось, его не всегда волновала).

Далее следовал *Турецкий салон* – бывшая комната тетушки Берты – с оригинальным турецким диваном, подушками, портьерами и лепниной на потолке (о турецкой теме у Лоти см.: Горнфельд, 1906: 2; Горнфельд, 1908). В 1886 г. к перечисленным комнатам добавилась еще *Пчелиная зала* (*Chambre aux abeilles*) и *Японская пагода*, обустроенная в бывшей столовой и наполненная предметами, приобретенными Лоти в Нагасаки. А в 1896 г. в длинном коридоре, выполнявшем функцию библиотеки, была еще дополнительно оборудована *Комната мумий* (*Chambre des momies*), наполненная настоящими мумиями, привезенными им из Египта. Дорогие эмали и кружевные оконные решетки из дерева (мушарабие) украшали *Арабскую комнату*.

Была еще и *Китайская зала*, плод совершенного Лоти путешествия в Китай и его пребывания в Пекине в 1900 г., вход в которую гостям был запрещен (вариант тайной комнаты Синей Бороды), и которая до настоящего времени не сохранилась.

Последней комнатой, которую мог посетить гость, была удивительная *Монашеская комната* (*Chambre monacale*), простота и сдержанность которой контрастировала со всем, что можно было увидеть ранее.

Здесь самое время задаться вопросом: какой *message* заключало данное сочетание стилей и эпох в ставшем виллой родительском доме Лоти? Комбинация стилей, конечно же, не было явлением новым, если мы вспомним, что генетически любая усадьба и, в особенности, примыкающий к ней усадебный парк нацелен на то, чтобы заменить собою целостный мир, выступая как своего рода «рай памяти» и «театр мира» (Fagiolo, 1995, с. 55), наполненный строениями различных стилей и эпох, функция которых – быть цитатами, географическими, историческими, литературными, мифологическими (вспомним хотя бы резиденцию русских царей Царское село, где мы найдем арабскую мечеть, рокайльный грот, китайскую пагоду и проч.). Уникальность, однако, эксперимента Лоти, который в настоящее время рассматривается как ранний вариант *happening`а* (Lucas, 2002), заключается в том, что пространством данных стилевых игр оказывается не дворец, не парк, но в сущности (по старинным меркам) два небольших дома, в которых феерия сменяющих друг друга стилей и эпох кажется поистине головокружительной.

Биографами Лоти не раз отмечалось, что страсть его к коллекционированию различных вещей, в частности, экзотических, украшений, наметилась еще в юности. И что причиной тому был испытанный им, также уже в юности, страх смерти. Именно это желание остановить время (о чем мы уже упоминали выше), объясняло его пристрастие к экзотическим декорам и инсталляции тех пространств, в которых оживает прошлое и пережитое. Именно поэтому для него не столь важна была объективная ценность предметов: безделушки и произведения высокого искусства он собирал с одинаковой страстью, поскольку волновала его не объективная ценность вещей, но их суггестивная сила — тот эмоциональный заряд, который они способны были вызывать, останавливая время и перенося в волшебные и экзотические миры Средневековья и Востока, заново пережитые благодаря воображению писателя-путешественника.

И, парадоксальным образом, этот же страх смерти объяснял и сам игровой менталитет Лоти – страсть к переодеваниям, театральной игре, фарсу. Возможно, именно потому дом своих родителей он и превратил по сути в игровую площадку,

позволившую ему заново прожить не только собственное прошедшее, но и прошлое Истории.

Одной из модальностей подобного переживания (оно же – остановка во времени), стал уже упомянутый *ужин Людовика XI*, который Лоти устроил в своем доме в Рошфоре 12 апреля 1888 г. (создателю этого праздника было в то время 38 лет), перенеся гостей в год 1470-й – время царствования Людовика XI и время действия романа «Собор Парижской богородицы»³⁹.

«Я начинаю жить в подготовке к празднику Людовика XI, – писал Лоти 18 марта 1888 г., хотя его племянница утверждала, что готовил он его более шести месяцев, размещая заказы на мебель, музыкальные инструменты и посуду. Некоторые изделия были привезены из Парижа или даже изготовлены специально для «ужина». Условием участия в празднике было разговаривать исключительно на старофранцузском языке, во всяком случае, на том, на котором писал Рабле и который стилизовал в своих «Озорных сказках» (подражании Декамерону) Бальзак. Гости учили наизусть стихи Клемана Маро и других поэтов Пляяды, готические буквы фигурировали на изящных пригласительных билетах, разосланных приглашенным»⁴⁰.

Говорили, что, желая довести местный колорит до предела, Лоти замышлял даже послать за своими гостями на вокзал повозку, запряженную четырьмя волами с позолоченными рогами, как это было принято во времена меровингов (по неизвестным причинам замысел этот не был приведен в исполнение). Очевидцы сообщали, что начиная с семи часов вечера улица перед домом Лоти кишела любопытными. Гости (а их было около тридцати), одетые в костюмы эпохи Людовика XI и присвоившие себе соответствующие исторические имена, прибывали в каретах, приветствуемые аплодисментами⁴¹. В большой зале гостей, блистающих драгоценными тканями и редкими украшениями, приветствовали супруги Лоти: в пурпурном сюртуке с горностаевым воротом, изображая феодала стародавних времен, сидел под балдахином Пьер Лоти, в то время, как его жена Бланш, одетая как Шарлотта Савойская, играла роль королевы Франции (второй жены Людовика XI).

Под звуки двух волюнок, исполнявших причудливый марш, процессия во главе с Пьером Лоти, «протянувшим левую руку прекрасной и царственной леди Диане де Гиф», медленно отправилась в сторону Готической залы.

Ход ужина также показывал, что особое внимание уделялось воссозданию средневековых традиций. По обычаю того времени, гости были посажены по одну сторону стола. Жидкая пища подавалась в глиняной или металлической посуде (ее ели ложками), другую пищу сервировали на толстых ломтях хлеба, что предполагало необходимость мыть руки между блюдами. Для этого слугам было вменено в обязанность подавать тазы для умывания и богатые кубки, наполненные ароматизированной водой. «Это был, действительно, уголок старой Франции, который воскресал в таинственном испарении факелов», – писал корреспондент «Фигаро» Эмиль Блавэ (Paris) (Émile Blavet) в 1888 г.

³⁹ В этой связи нельзя не вспомнить пьесу Николая Евреинова «Красивый деспот» (1906), действие которой происходит в усадьбе 1904 г., но где хозяин строит каждый свой день по дневнику прадеда, чью роль он хочет сыграть в этом усадьбном сценарии (см.: Купцова, 2003, сс. 298–310).

⁴⁰ В описании данного праздника мы используем преимущественно материалы, представленные в статье Алена Келла-Виллеже «Средневековый праздник у Пьера Лоти в Рошфоре, 12 апреля 1888 (см.: Quella-Villéger, 2010, сс. 263-275).

⁴¹ На самом деле Лоти, как сообщали газеты, любезно открыл свой дом не только для приглашенных гостей, но и для жителей Рошфора, при условии, что одеты они будут также в костюмы XV в.

Меню, распечатанное на дорогом пергаменте и иллюстрированное художником в манере Гюстава Доре, также являло собой изысканнейший сценарий (Marie, 1888, pp. 251-254). Повар-кудесник приехал из Парижа, чтобы приготовить блюда по старинным рецептам. Их было всего тринадцать, и их приносили поочередно: жареный олень, павлин, белка, еж, куропатка, паштеты из павлина и цапли. Все это запивалось родом медовухи (hydromel), греческим вином и заедалось очищенными орехами, хотя, как заметил один из репортеров, ссылаясь на ученого-эрудита, «во времена Людовика XI меню были далеко не такими обильными, максимум они состояли из пяти или шести блюд» (Gourdon, 1888).

Особое восхищение вызвало восьмое блюдо, став кульминацией вечера: павлин, в полном оперении, обложенный четырьмя цаплями, был торжественно вынесен на огромном подносе под звуки волынки и олифанта. (В Средние века, вместо того, чтобы ощипывать птицу, с нее аккуратно снимали кожу вместе с перьями, а после приготовления подавали ее «переодетой», т. е. в оперении на стол). Девятым блюдом был гигантский паштет, из которого неожиданно для гостей в златотканной рубашке выскочил акробат (возможно, то была аллюзия на знаменитый прием, состоявшийся в Лилле в 1454 г., на котором был подан гигантский пирог из фазана, вместивший в себя 28 музыкантов). Из другого паштета вылетела стая воробьев. После чего Лоти стукнул каблуком, и из люка появились танцоры, исполнившие сарабанду.

Затем, по исторической традиции, следовала череда развлечений. К ногам Лоти привели прекрасного сарацинского пленника в цепях; оруженосец его договорился с хозяином о выкупе, сарацину развязали руки, и он тут же занял место за общим столом (сходный сюжет мы находим в одном из рассказов маркиза де Сада «Обольщение двух женщин» – см.: Делон, 2013, сс. 791-832). Не была забыта и традиция благотворительности и гостеприимства, заложенная в древние времена: в одной из интермедий с нищими были представлены «некоторые беглецы из Двора Чудес, которым сидящие за столом подавали милостыню» (Parisís (Émile Blavet), 1888).

Диана де Гиф произнесла на старофранцузском прекрасную речь, в которой восхваляла «нашего доброго короля Людовика Одиннадцатого и мессира Пьера Лоти, чудесного рассказчика и чудесного чародея» («nostre bon roy Loys le Onziesme et de messire Pierre Loti, le mirificque conteur et l'enchanteur prodigieux» (см.: Sémézies, 1888, сс. 214-218).

Появлялась также «в темном платье» страшная, с седыми волосами и летучей мышью на лифе ведьма Ла Меффре, произнося заклинания и предсказывая будущее хозяину замка, которому давала выпить свое зелье. Этот эпизод отвечал местному колориту, поскольку, как писал очевидец, предки того времени были очень суеверны (Gourdon, 1888).

Изюминкой, завершившей «шоу», стал «танец факелов». Он назывался так потому, что дамы и кавалеры, танцевавшие павану и менуэт, держали в правой руке смоляные факелы: кавалеры поворачивались вокруг дам, отдавая им тысячу галантных поклонов, пламя от факелов в их руках создавало впечатление вращающихся огненных кругов. В конце же мужчины, преклонив колена, вручали дамам свои факелы, которые те тушили своими хеннингами (головными уборами в виде конуса, которые носили женщины позднего Средневековья). Все это походило на некую религиозную мистерию.

Вечеринка заканчивалась светскими «невинными» играми, Сен-Куазме или капенду, костями, шашками, шахматами. «Перед восходом солнца, встающего на бледном апрельском небе, «всем показалось, что они пробуждаются ото сна. – И какого сна!» (Gourdon, 1888).

Праздник этот широко был отражен в прессе: писали о нем не только в местных газетах, но и в парижских: *Figaro*, *Le Monde illustré*, *L'Illustration*, *Revue de Paris et de Saint-Petersbourg* и др. (Paris (Émile Blavet), 1888; Bellenger, 1888: 280; Marie, 1888; Deux (Maurice d'Ocagne), 1888). Фотографии, помещенные в *L'Illustration* наглядно демонстрировали, насколько исторически точно стилизованными были костюмы на всех участниках действия.

Ужин Людовика XI стал первым грандиозным праздником-феерией, устроенным Лоти. За ним последовали и другие, проходившие в других залах рошфорского дома и относившиеся к другим эпохам. Очевидно, что для Лоти важным было не только продемонстрировать свой социальный престиж и достигнутую финансовую состоятельность (хотя это тоже играло свою роль). Главным для него в этом хэппенинге было размыть реальность и сновидение, сделать так, чтобы мертвое прошлое, столь дорогое Лоти, внезапно пробудилось в бледном свете свечей, словно пробудилось от четырехсотлетнего сна. Квазирелигиозное чувство – с оттенком смутной печали – витало над головами (Sémézies, 1888; см. также: Goncourt, 1896).

Важным было также отношение писателя к Средневековью не только как к способу внесения поэзии в современность, но в первую очередь – как переосмысление и «переоснащение» повседневной жизни. Инструментом этого становится, как можно понять из его собственных и его современников описаний, обживание декора. Немецкие романтики называли подобное выведением вещи из состояния спячки, возвращения ее в полнокровную жизнь, ее и породившую⁴². Собственно, именно этим и объясняется известный афоризм Лоти: «Нет ничего более важного, чем декор» (Loti, 1921, с. 90).

И в этом смысле функции дома-виллы П. Лоти, этого созданного им шедевра, превосходили возможности литературы: если последняя, как он считал, лишь довольствуется «замораживанием» прошлого словами на бумаге, то праздник, устроенный в доме, равно как и рассыпанные в нем вещи, это прошлое воскресают. Праздник на вилле для Лоти – не воспоминание. Он – созидание. Живое искусство, которое и есть сама жизнь.

Праздники, которые Лоти устраивал на своей вилле, и сам способ обживания дома был для рубежа веков безусловно знаменем современности. И в этом смысле, при всей своеобычности, усадебный эксперимент Лоти можно было бы соотнести с теми праздниками, которые, например, потомки маркиза де Сада устраивали как на своей средиземноморской вилле Иер, так и в своем дворце Новый Трианон, построенном ими в стиле Людовика XIV в шестнадцатом аррондисмане Парижа (ныне музей Бакара – см.: Дмитриева, 2020, сс. 546-569). В определенном смысле, предвещали они и эстетическую практику сюрреалистов и то, что позже получило название *events* (Lucas, 2002). Но главное, что в них для Лоти соединилось несоединяемое: удовольствие и мысль о смерти, остановка времени и острое ощущение его бега, пространство, перетекающее во время, и время, созидающее свой причудливый хронотоп. Растворив или, точнее, рассыпав свою жизнь в зеркальном отражении многочисленных экзотических романов, в истинное свое *произведение* (в единственном числе) Лоти превратил именно виллу, сделав ее воплощением сотворенной им собственной мифологии, где экзотика дальних стран оказалась претворенной в экзотику дальних веков⁴³.

⁴² Именно это отношение легло в основу магического идеализма Новалиса, «превращающего» мысли в вещи, а вещи в мысли.

⁴³ И здесь мы снова не можем не вспомнить немецких романтиков, утверждавших, что «каждый прогрессивный человек а priori содержит в себе необходимый роман, который есть не что иное, как

В свое время приятельница уже упомянутого нами в начале статьи Г. Уолпола, хозяйка знаменитого парижского салона маркиза дю Деффан, написала ему: «Мне кажется, что Ваша душа и Ваш замок ходят друг на друга, как две капли воды, своей особостью, богатством, и — я едва осмеливаюсь это произнести — своими странностями» (письмо от 27 февраля 1771 г.; см.: Le Brun, 1986, сс. 147). Кажется, то же самое можно было бы сказать о Пьере Лоти и его вилле в Рошфоре.

Писатель не хотел, чтобы после его смерти дом его оказался открыт публике. Своему сыну Самюэлю он завещал все продать, а семейные ценности оставить у себя или уничтожить (сжечь). В 1969 г. наследники Лоти передали его дом в ведение коммуны города Рошфора, которая превратила его в муниципальный музей, открытый для публики в 1973 г. и ставший одной из главных достопримечательностей города (Скаон, 2001, сс. 49-55).

REFERENCES

- Andrej Belyj (1918). *Vostok ili Zapad? Jepoha, 1*.
- Barthes, R. (1972). *Le degré zero de l'écriture*. Paris: Seuil.
- Bellenger, C. (1888). Une fête moyen âge chez Pierre Loti. *L'Illustration*, 21 avril 1888.
- Delon, M. (2013). *Iskusstvo zhit' libertena*. Francuzskaja libertinskaja proza XVIII veka (Krebijon-syn, Zhan-Fransua Bastid, Vivan Denon, Onore Mirabo, princ de Lin' i dr.). E. Dmitrieva (Red.). M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Deux, P. (Maurice d'Ocagne) (1888). Le dîner 15e siècle de Pierre Loti. *Revue de Paris et de Saint-Petersbourg*, 15 mai 1888.
- Dmitrieva, E.E. (2020). Zamki velikogo markiza i ih novaja zhizn' v zamke Ier gercogini de Noaj. Literaturnye zamki Evropy i russkij «usadebnyj tekst» na izlome vekov: (1880–1930-e gody). Moskva: IMLI RAN.
- Fagiolo, M. (1995). Le paradis de la memoire: des jardins ciradelles de Danye et Ligorio a la cite du Soleil de Versailles. *Le jardin, art et lieu de memoire*. Sous la direction de Monique Mosser et Philippe Nys. Paris: Les editions de l'imprimeur.
- France, A. (1921). L'amour exotique. Madame Chrysantème. *La vie littéraire. Premiere série* (pp. 356-363). Paris, Calmann-Lévy.
- Goncourt, E. de. (1896). Journal (10 octobre 1894). *L'Écho de Paris*. 28 mai.
- Gornfel'd, A. (1906). Tureckij garem i francuzskij akademik. *Tovarishh, 103*, 2.
- Gornfel'd, A. G. (1908). *Knigi i ljudi*. SPb., Rossija.
- Gourdon, G. (1888). Un dîner chez Pierre Loti. *Le Semeur*, 25 avril 1888.
- Kuzmin, M. (2000). Nekrologi. P'er Loti (1850—1923). E. G. Domogackoj, E. A. Pevak (Red.), *Proza i jesseistika. V 3 tomah* (ss. 332—334). Moskva: Agraf.
- Kupcova, O.N. (2003). «Krasivyj despot» N. Evreinova i passeizm Serebrjanogo veka. Dmitrieva E.E., Kupcova O.N. (Red.), *Zhizn' usadebnogo mifa: utrachennyj i obretennyj raj* (ss. 298–310). Moskva: OGI.
- Le Brun, A. (1986). *Les Châteaux de la subversion*. Paris: Gallimard.
- Loti, P. (1888). Na japonskom balu / Per. A. Ves-oj. *Russkie vedomosti*. 1888. 22 fev., 52, 2-3.
- Loti, P. (1894). Bal v Iedo. *Niva*, 40, 952-955, 958-959.
- Loti, P. (1901). Mme Hrizantem (per. A. Shvyrova). *Sobranie sochinenij: V 5 t. T. 1.* (ss.

полнейшее выражение всего его существа» (см.: Novalis, 1960-1975, t.2, с. 544).

- 3-103). SPb.: Izd. Panteleeva.
- Loti, P. (1993). *Rarao* / per. E. Somovoj. Rarao. Moskva: Triada-fajn.
- Loti, P. (1921) *Suprêmes visions d'Orient, fragments de journal intime*. Paris: Calman-Lévy, 1921.
- Lucas, H. (2002) *L'Art de la fête chez Pierre Loti*, mémoire de DEA d'Histoire de l'art. Poitiers: Université de Poitiers.
- Marie, A. (1888). Dessins exclusifs et reproduction de l'invitation et du menu illustrés par Édouard Zier. *Le Monde illustré*, 21 avril 1888, 251-254.
- Moiseeva, E.N., Abidulin A.M. (2016) Intelligent, ne schitavshij sebja takovym: francuzskij romanist P'er Loti i Vostok. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 3, 63—70.
- Novalis, (1960-1975). *Schriften. Die Werke Friedrich von Hardenbergs*. Hg. von P. Kluckhohn, R. Samuel. 4 Bde. Stuttgart, 1960-1975. Bd. II.
- Parisis (Émile Blavet) (1888). Un dîner chez Pierre Loti. *Le Figaro*, 12 avril 1888.
- Quella-Villéger, A. (1994). *Pierre Loti et l'Europe balkanique. Loti en son temps*. Rennes: Presses universitaires de Rennes.
- Quella-Villéger, A. (2010). Une fête médiévale chez Pierre Loti, à Rochefort, le 12 avril 1888 (pp. 263-275). Presses Universitaires de Bordeaux.
- Regamey F. (1894). *Le cahier rose de Madame Chrysanthème*. Paris: Bibliothèque artistique et littéraire.
- Savelli, D. (1999). Kak vyrazit' «nichto» slovom, ili P'er Loti, russkaja kritika i vopros jekzotizma v Rossii. V E. Dmitrieva, V. Zemskov, M. Jespan' (Red.), *Literaturnyj panteon: nacional'nyj i zarubezhnyj* (ss. 237-250). Moskva, Rossija.: Nasledie.
- Sémézies, M. (1888). Chronique de Rochefort – Fête Louis XI. *La Nouvelle Revue*. 1er mai 1888 (pp. 214-218). Terms of use: <http://www.openedition.org/6540>
- Skaon, G. (2001). Dom P'era Loti: kak sovместit' pokaz i hranenie. *Museum*, 210, 49—55.
- Vengerova, Z. (1896). P'er Loti. V F. A. Brokgaуз i I. A. Efron (Red.), *Jenciklopedičeskij slovar', T. XVIII* (ss. 29-30). S.-Peterburg.
- Андрей Белый (1918). Восток или Запад? *Эпоха*, 1.
- Венгерова, З. (1896). Пьер Лоти. В Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон (Ред.), *Энциклопедический словарь*, Т. XVIII (сс. 29-30). С.-Петербург.
- Горнфельд, А. (1906). Турецкий гарем и французский академик. *Товарищ*, 103, 2.
- Горнфельд, А. Г. (1908). *Книги и люди*. СПб., Россия.
- Делон, М. (2013). *Искусство жить либертена. Французская либертинская проза XVIII века (Кребийон-сын, Жан-Франсуа Бастид, Виван Денон, Оноре Мирабо, принц де Линь и др.)*. Е. Дмитриева (Ред.). М.: Новое литературное обозрение.
- Дмитриева, Е.Е. (2020). Замки великого маркиза и их новая жизнь в замке Иер герцогини де Ноай. *Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880–1930-е годы)*. Москва: ИМЛИ РАН.
- Кузмин, М. (2000). Некрологи. Пьер Лоти (1850—1923). В Е. Г. Домогацкая, Е.А. Певак (Ред.), *Проза и эссеистика. Т. 3* (сс. 332—334). Москва: Аграф.
- Купцова, О.Н. (2003). «Красивый деспот» Н. Евреинова и пассаизм Серебряного века. Е.Е. Дмитриева, О.Н Купцова (Ред.), *Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай* (сс. 298—310). Москва, Россия: ОГИ.

- Лоти, П. (1888). На японском балу / Пер. А. Вес-ой. *Русские ведомости*. 1888. 22 фев. № 52. С. 2-3.
- Лоти, П. (1894). Бал в Иедо. *Нива*, 40, 952-955, 958-959.
- Лоти, П. (1901). Mme Хризантем. Пер. А. Швырова. *Собрание сочинений*: В 5 т. Т. 1. СПб.: Изд. Пантелеева. С. 3-103.
- Лоти, П. (1993). *Рарао* (пер. Е. Сомовой). Москва: Триада-файн.
- Моисеева, Е.Н., Абидулин А.М. (2016) Интеллигент, не считавший себя таковым: французский романист Пьер Лоти и Восток. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 3, 63-70.
- Савелли, Д. (1999). Как выразить «ничто» словом, или Пьер Лоти, русская критика и вопрос экзотизма в России. В Е. Дмитриева, В. Земсков, М. Эспань (Ред.), *Литературный пантеон: национальный и зарубежный* (с. 237-250). Москва: Наследие.
- Скаон, Г. (2001). Дом Пьера Лоти: как совместить показ и хранение. *Museum*, 210, 49-55.